

Содержание

Только ВЫ можете предотвратить эпидемию...

Прочтите эту книгу

Предисловие 11

Выберите благоразумных, успокойте лидеров

Антонинова чума 15

Лягушки не могут спасти жизни, а чтение исторических книг может принести ощутимую пользу

Бубонная чума 31

Вместо того чтобы сжигать людей за колдовство, постарайтесь быть хорошим

Танцевальная чума 49

Распространяйте информацию о том, что вакцины — самое лучшее средство

Оспа 65

Травить за ИППП значит распространять ИППП

Сифилис 83

Никогда не романтизируйте плохое здоровье

Туберкулез 99

Если хотите продемонстрировать ошибочность общепринятой мудрости, будьте готовы убедительно доказать свою теорию

Холера 115

Один хороший человек может изменить ситуацию, и вы можете быть им	
Проказа	131
Если вы больны, не заражайте намеренно других людей	
Тиф	147
Цензура убивает	
Испанский грипп	161
Следите за достижениями медицины: сейчас эта наука развивается быстрее, чем когда-либо	
Летаргический энцефалит	179
Не слушайте красноречивых шарлатанов от медицины	
Лоботомия	193
Совместная работа общества, лидеров государств и ученых поможет спасти мир	
Полиомиелит	213
Уроки истории	
Эпилог	231
Совершенно ужасные картины последствий болезней (для тех, кто желает их увидеть)	239
Примечания	243
Библиография	265
Выражение признательности	283
Об авторе	285

Предисловие

Когда я рассказывала людям, что пишу книгу об эпидемиях, доброжелатели из числа моих знакомых советовали увязать ее с современностью. Выглядело это примерно так: «Напиши о зависимости от мобильных телефонов. Или о селфи. Либо посвяти одну из глав эпидемии селфи».

«Нет, — отвечала я, — меня больше интересуют эпидемии таких болезней, при которых тело покрывается язвами и люди, которых вы знали и любили, один за другим умирают в расцвете лет. И вы не в силах ничего сделать, и через несколько месяцев все уже мертвы, и вокруг только смерть, и вся земля кажется безбрежной пустыней, покрытой трупами, и... погодите секунду... покажу несколько ужасающих снимков».

И тогда мой собеседник говорил: «Извини, пойду возьму еще чего-нибудь выпить».

Рада, что эта книга привлекла ваше внимание. Дело в том, что тему смертоносных болезней, которые довелось пережить человечеству, вряд ли можно считать подходящей для непринужденного общения. Никому не нравится слушать рассказы о страшных заболеваниях, уничтоживших десятки миллионов людей на всей планете. Скорее всего, это отторжение вызвано тем, что эпидемии представляются нам чем-то очень жутким и весьма далеким. Именно поэтому, по мнению многих, гораздо лучше поговорить том, как я люблю селфи. Какие забавные эти снимки. Как мне нравится рассматривать улыбающиеся лица моих друзей. Живых и невредимых.

Мы живем в мире, где слову «эпидемия» придают обычно поразительно мало значения. У тех, кто вообще когда-нибудь задумывался об эпидемиях, они ассоциируются с грязными хижинами, с учебниками, которые приходилось зубрить в шестом классе, а у любителей фильмов Бергмана — со Смертью, которая приходит к главному герою в облике мрачного жнеца, чтобы сыграть в шахматы. Похоже, жители так называемых стран центра надеются прожить лет девяносто и умереть в комфортабельном санатории для престарелых. Надо отметить, на то у них есть достаточно веские основания: если условия жизни продолжают улучшаться, то 50 процентов детей, родившихся в 2000 году, доживут до ста лет. Если, конечно, ничто не помешает условиям улучшаться.

Мы живем в эпоху невероятного везения. За последние три десятка лет ни одна болезнь из тех, с которыми человечество пока не научилось бороться, не убила в странах центра больше нескольких тысяч относительно здоровых молодых людей. Надеюсь, эта позитивная тенденция сохранится и в дальнейшем. Каждый раз нам как можно быстрее хочется позабыть о пережитом. Способность забывать облегчает жизнь, она заложена в человеческой природе. Однако пренебрежительное отношение к эпидемиям прежних времен и нежелание ничего знать об их опасности может помешать нам противостоять неизбежным вспышкам заболеваний в будущем.

Во время эпидемий люди демонстрируют разное поведение. Поступки одних достойны восхищения: они минимизируют уровни смертности и разрушений вокруг себя, подают пример доброты и мужества, словом, проявляют все самые лучшие свои стороны.

Другие же непоследовательны в своих действиях, не имеют четкой позиции и необходимых знаний и тем самым лишь увеличивают количество жертв.

К сожалению, я не обладаю достаточными познаниями для того, чтобы иметь возможность рассказать читателю о создании вакцин или лекарств для искоренения опасных болезней. Однако история показывает, что способность общества оперативно справляться с эпидемиями зависит не только от врачей и ученых, которые самоотверженно выполняют свою работу, но и от тех, кому нравится по выходным валяться в постели, наслаждаться фильмами, лакомиться картофелем фри, одним словом, вести самую обычную жизнь, то есть от всех нас. Благополучие цивилизации в период кризиса во многом определяется тем, как реагируют на него рядовые граждане, не имеющие никакого отношения к науке. Многие меры, принимавшиеся против описанных в этой книге эпидемий, поразят вас своей очевидностью. Например, вы узнаете, что не следует считать больных людей грешниками и в буквальном или метафорическом смысле сжигать их на костре,

поскольку это чудовищно с точки зрения морали и совершенно неэффективно в практическом плане. Полагаю, в принципе с этим согласен каждый. Печально другое: когда неожиданно вспыхнет новая эпидемия, мы станем совершать точно такие же ошибки, поучительные уроки из которых следовало бы извлечь еще триста лет назад.

Недавно я прочла книгу одного историка, который заявляет, что прошлое нельзя рассматривать через призму настоящего, и предлагает считать разные эпохи полностью изолированными друг от друга, словно история — это какая-то цепочка сарделек. На мой взгляд, автор демонстрирует принципиальное непонимание сути времени. Прошлое нельзя удержать под стеклянным колпаком. Отголоски каких-то моментов, идей и трагедий прежних времен (причем, к сожалению, порой не самых лучших) неизбежно проявляются в настоящем, а затем и в будущем. Например, даже в наши дни некоторые оправдывают свою ненависть к евреям тем, что якобы это они распространяли бубонную чуму, отравляя колодцы. (Далее мы увидим, что это невозможно.) Беспокойство насчет того, насколько тщательно моют руки люди, которые готовят нам еду, легко проследить до повара Мэри Мэллон — носителя возбудителя заразной болезни, за что она получила прозвище Тифозная Мэри. Но если эпизоды из прошлого так легко проникают в настоящее, значит, и какие-то нюансы современных реалий могут помочь нам понять суть происходившего ранее. Что ни говори, и прежде глупостей и нелепостей совершалось не меньше, чем теперь. Ведь эпохи создают люди.

У меня есть заветное желание, и суть его в том, чтобы мои современники воспринимали людей прошлого просто как знакомых, хороших или не очень, к которым всегда можно обратиться за советом. На самом деле у наших предков мало общего с двухмерными черно-белыми фотографиями или контрастными штриховыми рисунками, которые можно встретить в некоторых академических учебниках. Это вовсе не абстрактные серые фигуры в цилиндрах, а живые люди, которые, как и мы с вами, дышали, сморкались, шутили, радовались и грустили, среди них встречались весельчаки и зануды, хитрецы и простаки. И то время, в котором они жили, было для них настоящим. Они ничем не отличались от прочих представителей человеческой расы. Одни из них проявляли гениальность в медицине, но вместе с тем оказывались безумно скучны в личной жизни. (Восхищаюсь дедуктивными способностями британского врача Джона Сноу, но абсолютно уверена, что не смогла бы общаться с ним дольше десяти минут.) Другие были харизматичными и обаятельными социопатами и маньяками. (Такое описание несколько преувеличивает силу обаяния Уолтера Джексона Фримена II, но он действительно нравился людям, несмотря на то что

был вульгарным и грубым и носил на шее странное кольцо, снятое с пениса пациента. Любой мог найти причины его ненавидеть.)

Каждого из представленных в этой книге людей нужно рассматривать как личность, а не как неодушевленную историческую фигуру. Как бы мы к ним ни относились, по большому счету не так уж сильно от них отличаемся. Вопреки тому, в чем нас пытаются убедить некоторые «интеллектуалы», нельзя сказать, что люди прошлого были умнее наших легкомысленных современников и что их идеи заслуживали большего внимания. Увлечение поп-культурой не делает вас глупее, вы просто человек, который интересуется тем миром, в котором живет. Однако если вы узнаете, что один уважаемый специалист советовал туберкулезным больным сменить род занятий и стать охотниками на аллигаторов, то вряд ли у вас сохранится вера в то, что все наши предки были серьезными личностями, достойными уважения.

Полагаю, нам пойдет только на пользу, если мы будем развеивать мифы о прошлом — станем потешаться над какими-то эпизодами и распространять забавную информацию с таким же энтузиазмом, с каким обсуждаем наши любимые телешоу. Мне страшно представить, что, когда вспыхнет следующая эпидемия, единственными людьми, знакомыми с жизнью Паррацельса (любителя ртути и женоненавистника), окажутся престарелые академики в твидовых пальто, обсуждающие его наследие с псевдобританским акцентом. Это произойдет в будущем (моего оптимизма не хватает, чтобы поверить в невозможность этого), но хвосты очень многих проблем будут тянуться из прошлого. Поэтому в наших интересах, чтобы как можно больше людей сегодня вступили в битву с болезнью с таким же апломбом, как некоторые из наиболее выдающихся героев этой книги. И будем надеяться, что эти умники в твидовых пальто, разговаривающие с невнятным акцентом, умрут первыми.

Затронуть тему опасных заболеваний меня побудила твердая убежденность в том, что информация о способах борьбы с болезнями в прошлом окажется весьма полезной в будущем. Если вы намереваетесь прожить достаточно долго, то, надеюсь, вам она тоже пригодится.

И не бойтесь, что вам потребуется взять еще чего-нибудь выпить. Количество ужасающих описаний в этой книге сведено к минимуму. Невзирая на все трудности, я постаралась сделать так, чтобы знакомство с этими темными временами в истории человечества доставило вам максимум удовольствия.

Антонинова чума

Когда вы просыпаетесь утром, подумайте о том, что вы снова получили драгоценную привилегию быть живым — дышать, думать, наслаждаться, любить.

МАРК АВРЕЛИЙ

Время от времени, в основном когда на телешоу обсуждается склонность взрослых людей по обоюдному согласию заниматься видами секса, которые в викторианскую эпоху находились под запретом, кто-нибудь из приглашенных экспертов покачивает головой и заводит речь о том, что такое поведение привело к падению Рима. Порой кажется, что эти знатоки плохо разбираются в концепциях доброты и сострадания к ближнему, а также в тенденциях развития общественных нравов. И можно абсолютно точно сказать, что все они имеют превратное представление о «падении Рима».

Для полной ясности следует отметить, что Римская империя рухнула не потому, что там все поголовно занимались сексом. Ни одно цивилизованное государство не погибло из-за «чрезмерного увлечения сексуальными утехами», за исключением Баварии в 1848 году, но это совсем другая (хотя и весьма занимательная) история.

Рим пришел в упадок не потому, что представители сексуальных меньшинств стали вступать в трогательные браки. Все началось с эпидемии чумы, разразившейся в 160-е годы н. э., в то самое время, когда римляне находились на пике своего могущества и их колоссальная империя простиралась от Шотландии до Сирии.

Они сумели построить и защитить такую громадную империю благодаря неодолимой силе своей армии. В середине II века н. э. армия Рима состояла из 28 легионов численностью по 5120 человек в каждом. Легионеры

были добровольцами, согласившимися прослужить 25 лет, после чего они могли уйти на пенсию, получив солидное выходное пособие, равное плате примерно за 14 лет службы. Если армия численностью 143 360 человек покажется вам не очень большой (для сравнения: в Соединенных Штатах сейчас насчитывается около 520 тысяч действующих военнослужащих), прибавьте к этому вспомогательные войска, общая численность которых составляла порядка 60 процентов основной армии. Они часто формировались из варваров, которые, если доживали до увольнения, получали римское гражданство.

Вы, наверное, спросите: «Кто же мог надеяться отслужить 25 лет в армии?» Дело в том, что у римских солдат, которые несли службу в период с 135 по 160 год, шансы остаться в живых были довольно реальными. Точной статистики не существует, однако известно, что крупных битв в то время было относительно немного. Возможно, кому-то вообще не доводилось участвовать в сражениях. Профессор Стэнфордского университета Вальтер Шайдель пишет: «Достоверно известно лишь то, что, согласно имеющимся записям, 239 ветеранов, уволенных из Легиона VII «Клавдия» примерно в 160 году н. э., за все свои двадцать пять или двадцать шесть лет службы не принимали участия в серьезных сражениях»¹.

Эти солдаты 25 лет не участвовали в боевых действиях! Готова спорить, что они были всеобщим посмешищем. Зато остались живы. Им вообще не пришлось сражаться.

Что касается римских солдат, которые вступали в сражения, то они были замечательно экипированы, может, даже чрезмерно. Легионеров защищала *лорика сегментата* — чрезвычайно гибкая броня из металлических полос. Историк I века Иосиф Флавий так описывал впечатляющую мощь римской армии: «Тогда они выступают в путь и подвигаются молча, в стройном порядке. Каждый остается в линии, как в сражении. Пехотинцы защищены панцирями и шлемами и носят с обеих сторон острые оружия; меч на левом боку значительно длиннее меча, висящего на правом и имеющего в длину только одну пядень. Отборная часть пехоты, окружающая особу полководца, носит копыя и круглые щиты; остальная часть пехоты — пики и продолговатые щиты, пилы и корзины, лопаты и топоры и кроме того еще ремни, серпы, цепи и на три дня провизии»². На мой взгляд, эти солдаты были похожи на швейцарские армейские ножи.

Как видите, на тот момент римская армия имела прекрасные доспехи, большую численность, отличную подготовку и в некоторых случаях как минимум трехдневный запас еды. Вскоре после этого она начала терпеть поражения в битвах с германскими племенами и терять завоеванные территории.

Поначалу я думала, что германские племена, столь успешно сражавшиеся с римской армией, должно быть, были очень неплохо экипированы. К счастью, под рукой оказались труды Тацита, которые быстро развеяли мое заблуждение. Германские племена, воевавшие с римлянами, были почти голыми. Этот римский историк писал по крайней мере об одном германском племени, что «они... совсем нагие или прикрытые только легким плащом. У них не заметно ни малейшего стремления щегольнуть убранством, и только щиты они расписывают яркими красками. Лишь у немногих панцири, только у одного-другого металлический или кожаный шлем»³. Мне особенно нравится, что Тацит не упустил случая поиздеваться над аляповатым оформлением германских щитов. «Британская энциклопедия» проявляет несвойственную ей специфичность и поддерживает Тацита, отмечая, что вплоть до VI века вооружение всех германских племен было очень слабым:

Их главным оружием было длинное копье, и лишь немногие носили мечи. Шлемы и нагрудники почти не использовались. Единственным средством защиты служил легкий деревянный или плетеный щит, иногда снабженный железным ободом, а иногда укрепленный кожей. Это отсутствие достаточного снаряжения объясняет стремительный, яростный натиск, с которым германцы атаковали ряды тяжеловооруженных римлян. Если бы они ввязывались в длительные рукопашные бои, позволяя их легким щитам и копьям сталкиваться с римскими мечами и доспехами, у них было бы мало надежды на успех⁴.

Несмотря на плохую экипировку, племена демонстрировали невероятную храбрость. Бок о бок с мужчинами сражались женщины, иногда вместе со своими детьми. Самым заветным желанием для многих была славная смерть в бою. Вот что пишет о германских племенах историк XIX века Джон Джордж Шеппард: «Хотя они часто терпели поражения, их никогда не покоряли; одна волна могла отхлынуть, но прилив все равно продвигался вперед; они упорно стремились к своей цели до тех пор, пока не достигали ее; они вырвали из рук римлян державу и скипетр и сохранили их до сих пор»⁵. Германские племена постоянно совершали набеги на Римскую империю, несмотря на то что уступали римлянам в численности и в качестве доспехов и вооружения. Они были готовы сражаться, и в этом заключалась цель их жизни. Они угрожали границам империи, хотя и не могли проникнуть в нее с тех пор, как были разбиты римским полководцем Гаем Марием в 101 году до н. э. Меня не удивляет то, что они нападали. Я хочу лишь сказать, что они не должны были победить. По всем законам логики

самая лучшая в мире армия не должна была потерпеть поражение от кучки племен почти голых людей с аляповато раскрашенными щитами.

Однако на стороне племен выступил самый сильный союзник на свете. Но этим союзником оказались не люди. Им стала Антонинова чума, получившая свое название в честь императора Марка Аврелия Антонина.

Поражению римских войск способствовала обширность территории, которую они занимали. Чума пришла в Рим из Месопотамии в 165 или 166 году н. э. Ее привезли домой легионеры, сражавшиеся в этом регионе. Вспышка эпидемии в Риме стала поистине кошмарной. Даже по меркам людей, привыкших к болезням.

Можно сколько угодно восхищаться тем, каким продвинутым в технологическом плане выглядел Рим по сравнению с Темными веками, которые последовали за крахом римской цивилизации, но все же он был далек от совершенства. Да, мы знаем о существовании общественных уборных. Однако лишь немногие частные дома были соединены с городской канализацией, так что жители по большей части выплескивали помои и фекалии прямо на улицу. Река Тибр регулярно выходила из берегов, и во время наводнений (простите за грубость, но это очень точное описание) по улицам текли потоки дерьма. Люди посещали бани, но вода, в которой они мылись, не подвергалась дезинфекции и часто кишела бактериями. Вполне естественно, что в городе распространялись малярия, брюшной тиф, дизентерия, гепатит и холера, хотя историк Эдвард Гиббон писал, что в тот период «состояние человеческой расы было наиболее счастливым и процветающим». Я готова простить Гиббону это заявление — он начал публиковать свой труд «История упадка и разрушения Римской империи» в 1776 году, — но все же считаю тех, кто способен назвать великолепной какую-либо историческую эпоху до появления внутренних сантехнических систем, жертвами нелепого заблуждения. Современный историк Фрэнк Маклин пишет: «Какими бы ужасными ни были малярия и все другие смертельные болезни, римляне считали их частью повседневного существования; жизнь рабов и других обездоленных была ненамного хуже смерти, и поэтому людей вряд ли слишком пугало приближение Жнеца. Но “чума”, поразившая Рим при Марке Аврелии, по своему размаху и смертоносности превзошла все то, что римляне пережили раньше»⁶.

Основная часть сведений о природе этой эпидемии получена из записок знаменитого римского врача Галена. Поэтому чуму Антонина иногда называют чумой Галена.

Гален был выдающимся врачом, но не отличался особой храбростью. В своих сочинениях он преимущественно занимался самовосхвалением. По словам Фрэнка Маклина, он постоянно подчеркивал, что всего добил-

ся самостоятельно, забывая упомянуть о том, что происходил из чрезвычайно богатой семьи и унаследовал многочисленные поместья вместе с фантастическими связями в высших сферах. Судя по всему, он был мастером закулисной борьбы и всячески преувеличивал собственные достижения. На мой взгляд, его можно было бы назвать Дональдом Трампом Древнего Рима. Но перед лицом смертоносной болезни он повел себя довольно трусливо. Лично я не вижу в этом ничего предосудительного. Когда речь идет о жизни и смерти, трусость становится естественным проявлением инстинкта самосохранения. Не удивлюсь, если во время какой-нибудь эпидемии я сама стану демонстрировать слабость и бесхребетность. Однако для врача это не самое лучшее качество.

Крошечные кисти рук не показаны

Гален был очень близок к тому, чтобы вообще ничего не писать об этой эпидемии. Когда в 166 году началось стремительное распространение болезни, он сбежал из Рима в более безопасную сельскую местность. По его словам, он покинул город не из страха перед чумой, а потому, что все остальные врачи так завидовали ему и его потрясающему мастерству, что он больше не мог спокойно работать в столице. Мы не знаем точно, где он находился с 166 по 168 год. Известно лишь, что в конце 168-го его попросили вернуться, чтобы присоединиться к армии Марка Аврелия в походе на север Италии. Год спустя, когда в этом регионе тоже вспыхнула эпидемия, Гален сообщил Марку Аврелию, что во сне ему явился бог Асклепий и сказал, что Гален должен *обязательно* вернуться домой, в Рим. Гален утверждал, что этот бог регулярно беседовал с ним в его снах и давал ему советы по многим медицинским вопросам. Не исключаю, что Гален использовал оправдание «бог сказал мне это сделать», чтобы оказаться подальше от опасности, но вполне возможно, что он действительно верил его посланиям. Марк Аврелий милостиво разрешил Галену вернуться в Рим, где тот провел остаток своей жизни в качестве личного врача его сына, будущего императора Коммода. Гален благополучно дожил до восьмидесяти с лишним лет, что можно считать выдающимся результатом, если учесть довольно короткую среднюю продолжительность жизни людей в ту эпоху.

К счастью для нас, несмотря на все предпринятые усилия, сбежать от морового поветрия Галену не удалось, он был вынужден заняться изучением и описанием Антониновой чумы. В его записях содержатся конкретные сведения о симптомах и прогрессировании болезни. У зараженных все тело внезапно покрывалось маленькими красными пятнами, через день или два превращавшимися в сыпь. В последующие две недели пузырьки набухали, а затем прорывались, образуя струпья, которые после отпадали, оставляя на коже темные рубцы. Кроме того, у жертв могла развиваться лихорадка, признаки которой, возможно, проявлялись не сразу. Гален писал: «Тем, кто прикасается к заболевшим чумой, они не кажутся ни теплыми, ни горячими, хотя внутри у них бушует лихорадка, подобная той, которую описывает Фукидид»⁷.

Судя по всему, Гален ссылается на оставленное Фукидидом описание опустошительных последствий Афинской чумы 430 года до н. э., которая унесла около двух третей населения Афин. По понятным причинам Гален мог полагать, что оба бедствия были вызваны одной и той же болезнью. Мне нравится, что Гален как бы мимоходом демонстрирует свое знакомство с текстом, написанным за 600 лет до него. Читать исторические книги — это здорово! Однако у этих двух эпидемий не было почти ничего общего, кроме того, что у жертв развивалась лихорадка и затем они умирали. Современные врачи считают, что Афинскую чуму вызвал вирус бубонной чумы или, возможно, вирус Эбола, а возбудителем чумы Антонина был вирус оспы.

Ссылка на Фукидида показывает нам, что римляне знали об Афинской чуме и считали ее поистине апокалиптическим событием. Фукидид пишет:

Люди умирали при полном беспорядке. Умиравшие лежали друг на друге, где их заставляла гибель, или валялись на улицах и у колодцев, полумертвые от жажды. Сами святилища вместе с храмовыми участками, где беженцы искали приют, были полны трупов, так как люди умирали и там. Ведь сломленные несчастьем люди, не зная, что им делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам⁸.

Сопоставляя два бедствия, Гален подчеркивает масштабность Антониновой чумы (если только он не слишком гиперболичен). Понимаю, что особенности его личности могут вызвать у вас недоверие к нему. Гален, конечно, был любителем саморекламы, но вряд ли он намеренно преувеличивал что-нибудь, кроме собственной гениальности.

Историческое и социально-этическое воздействие чумы, названной в его честь, интересует Галена намного меньше, чем Фукидида. Вместо этого в своих записках он фокусируется на развитии некоторых симптомов,

а также признаках, указывающих на возможность выживания пациентов. Гален пишет: «Одним из симптомов болезни был черный цвет экскрементов как у выживших, так и у погибших... если цвет испражнений не был совершенно черным, всегда появлялась экзантема. Все, у кого испражнения становились очень черными, умирали»⁹. Гален одним из первых в истории описал болезнь как врач, а не как историк. Данная информация, несомненно, представляла большой интерес для всех, кто ухаживал за кем-нибудь из близких, в том плане, что, когда испражнения больного становились совершенно черными, это означало, что нужно начинать приготовления к похоронам.

Сегодня специалисты анализируют записки Галена, чтобы установить природу эпидемии. Мы знаем, что примерно через две недели после появления первых симптомов Антониновой чумы на языке и в горле больного начинала появляться сыпь. Кроме того, Гален отметил, что многие жертвы кашляли кровью. Он описывает одного мужчину, который отхаркивал струпья, и, возможно, это самая отвратительная картина, какую я осмеливаюсь вам предложить.

Несмотря на смертельный ужас, который вызывала болезнь, умирали от нее не все. Если у больных появлялась «черная экзантема» (так Гален называл обширные высыпания на коже), вероятность выжить была у них довольно высокой. Гален с радостью рассказывает о случае, когда молодой мужчина смог подняться с постели на 12-й день болезни:

У тех, кто выживал, наблюдался понос и все тело покрывалось экзантемой. Она была черной из-за остатков крови, разлагавшейся в пузырьках, похожих на золу, которой природа посыпала кожу. У некоторых выживших пузырьки вскрывались, образуя язвочки, покрытые струпьями, которые отпадали, и еще через один или два дня пораженный участок на месте язвочки зарубцовывался. В тех местах, где экзантема не изъязвлялась, она была грубой, чешуйчатой и отваливалась подобно шелухе, после чего все больные поправлялись¹⁰.

Сегодня ведутся жаркие дебаты по поводу того, какая эпидемия привела к падению Рима — тифа, кори или оспы. Лично я ставлю на оспу!

Однако в те времена научные споры на тему «что это за болезнь» не могли никому принести никакой пользы. Хотя сколько-нибудь эффективных лекарств, которые можно было бы применять во время эпидемий, еще не существовало. До 1600 года людям было трудно отличить один тип заболевания от другого. Поэтому ярлык «чума» навешивали на все быстро набирающие обороты эпидемии.

В научных кругах продолжают дебаты по поводу общего количества жертв Антониновой чумы. Фрэнк Маклин отмечает: «Даже если вывести среднее арифметическое из предположений самых авторитетных исследователей, получится, что общая смертность составила не меньше 10 миллионов человек»¹¹. Но реальная цифра наверняка была выше! Сам Маклин оценивает общее количество умерших примерно в 18 миллионов человек. По свидетельству Диона Кассия, в разгар следующей эпидемии, вспыхнувшей в 189 году, в Риме за день умирали примерно две тысячи человек. Во всяком случае, какими-либо данными о менее ужасающем уровне смертности современная наука не располагает.

Хотелось бы порадовать вас информацией о том, что болезнь удавалось более-менее успешно лечить, излечивать или даже предотвращать. Но увы! На дворе стоял 166 год н. э., так что придется приберечь оптимизм для более поздних глав истории. Не сомневаюсь, что римляне молили богов об исцелении, но в самом лучшем случае могли надеяться лишь на смертного, способного обеспечить минимальную функциональность государства. Потому что в любую эпоху граждане не хотят повторения Афинской чумы, когда трупы скапливались в святилищах. Во все времена, какая бы ни случилась эпидемия, населению требовался необычайно сильный лидер, чтобы организовать хотя бы такие элементарные вещи, как уборка мертвых тел с улиц.

Риму повезло. Здесь лидером был Марк Аврелий, последний из тех, кого Макиавелли называл «пятью добрыми императорами». Марк Аврелий призвал на службу Галена, кроме того, он исповедовал философию стоицизма, о которой вы, возможно, слышали. Впрочем, любого студента, изучающего вводный курс философии, не затруднит объяснить ее суть. Я постараюсь его опередить и скажу, что основной принцип стоицизма заключается в том, чтобы вести себя рассудительно и сдержанно, избегать таких проявлений негатива, как гнев и алчность. Человек должен стараться согласовывать свое поведение с природой, принимать неизбежность таких аспектов существования, как смерть, и всегда быть к ним готовым. Эта философия прекрасно изложена Марком Аврелием в его «Размышлениях»: «Поутру следует сказать себе: “Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Эти свойства проистекают от незнания ими добра и зла. Я же, познавший прекрасную природу добра и постыдную — зла, понимаю и природу тех, кто заблуждается. Они мне родственны не по крови и происхождению, а по божественному соизволению и разуму. Я защищен знанием от их зла. Они не могут вовлечь меня во что-либо постыдное. Но нельзя и гневаться и ненавидеть тех, кто мне родственен. Мы созданы для совместной деятельности”»¹².

Стоики не стремились к мимолетным мирским удовольствиям, предпочитая руководствоваться логикой и разумом. Практика стоицизма предположительно была такова, что людям позволялось вести более спокойную, рациональную жизнь. Некоторые граждане считали, что вследствие приверженности Марка Аврелия этой философии его мысли иногда были трудны для понимания, но следует отметить, что в целом стоицизму свойственны прямолинейность и здравомыслие, чем, собственно, и объяснялась его популярность. Особенно полезной эта философия оказывалась в кризисных ситуациях.

Но случались и осечки. Римляне, которые веками исповедовали ценности стоицизма, судя по всему, должны были бы встретить постигшее их бедствие с достоинством и честью. Однако, как только вспыхнула эпидемия, они почти сразу променяли спокойный, рациональный стоицизм на веру в магию и принялись убивать христиан.

Город наводнили лжепророки вроде мистика Александра Абонотейского, призывавшего людей покупать бесполезные амулеты и защищать дома, высекая над дверями туманные талисманские формулы типа «длинноволосый Феб изгоняет облако морового поветрия»¹³. Александр разбогател и стал знаменитым, что, впрочем, неудивительно. Так делают карьеру многие шарлатаны-социопаты, которые паразитируют на страхе людей, предлагая ложную надежду в периоды эпидемий.

Когда люди не были заняты покупкой талисманов, они обвиняли христиан в том, что те разгневали богов Олимпа и навлекли на город болезнь. Это утверждение абсурдно, потому что любой, кто в детстве читал красочную «Книгу греческих мифов» супругов Д'Олар, знает, что гнев олимпийских богов чаще выражался в «превращении женщин в пауков в наказание за то, что они чрезмерно превозносили свою красоту» или «завлекали мужчин в свои сети во время секса», а вовсе не в том, чтобы «обрушивать на империю смертоносные болезни». Однако христиане были очень удобными козлами отпущения. Марк Аврелий презирал христиан, считая их безумцами, жаждущими принять мученическую смерть. Во время его правления с ними обращались настолько сурово, что историк Джон Фокс называет это «четвертым гонением»:

Марк Аврелий был философом и написал «Размышления», классический труд по стоицизму, суть которого сводится к безразличию по отношению к боли и наслаждениям. Он был безжалостным и жестоким в отношении христиан и ответственен за четвертое гонение. Христиан преследовали с такой нечеловеческой жестокостью, что наблюдавшие за казнью в ужасе содрогались и поражались мужеству страдальцев. Одним мученикам

дробили ноги специальными прессами, других заставляли ходить по шипам, гвоздям, острым краям ракушек и другим предметам. Иных бичевали до тех пор, пока не разрывались их мускулы и вены. Затем, после жесточайших пыток, какие только можно было представить, их убивали ужаснейшим образом¹⁴.

Гонения на религиозные меньшинства никогда не приводили ни к чему хорошему, в какие бы времена ни происходили. В своих исследованиях мне еще не доводилось видеть, чтобы какой-нибудь историк сказал: «В тот момент преследование группы X было правильным историческим выбором». Наверное, Марк Аврелий должен был что-то предпринять для защиты этой уязвимой категории граждан. Но он ничего не сделал. Он их не любил, и у него были другие проблемы, которые нужно было решать в срочном порядке.

Если не считать молчаливого или явного потворства преследованию религиозной секты, можно сказать, что Марк Аврелий отреагировал на эпидемию с таким спокойствием, к которому, как представляется, все мы должны стремиться, когда разговариваем по телефону с агентами кабельного оператора Time Warner Cable. Император без промедления занялся подписанием новых законов, необходимых, чтобы сохранить город пригодным для жизни. Например, запретил владельцам вилл превращать их в гигантские склепы. Всех, кому нужно было присутствовать на похоронах, освободил от обязанности являться в суд по повестке. Обязал хоронить за казенный счет умерших от чумы простолюдинов. Был принят закон, запрещающий людям раскапывать чужие могилы, чтобы использовать их для собственных мертвецов. Наверное, такая практика была вполне обычной, раз потребовала принятия специального акта. Все эти законы были важны не только потому, что рост потребности в погребениях побудил гробовщиков взвинтить цены на услуги, но и потому, что во время мора правитель прежде всего обязан решить проблему скопления разлагающихся тел на улицах. (Это способствует распространению заразы и вызывает у людей панику.)

Еще хуже, чем гибель людей в городах, было то, что эпидемия обошла стороной и армию, зараза принялась выкашивать ее ряды. Возвращавшиеся из отпусков на родину солдаты приносили болезнь в военные лагеря и в новые легионы. Это привело к острой нехватке кадров в особенно неудачный момент: германские племена участвовали в набегах и пытались переправиться через Дунай.

К 167 году германские племена, ведомые маркоманами, прорвались через границы империи. Впервые за последние 250 лет германцы успешно

вторглись на Италийский полуостров. Они сожгли Опигтерий (ныне Одерцо) и осадили Аквилею, один из крупнейших городов мира того времени.

Марк Аврелий выступил к границе. Пытаясь восполнить потери, нанесенные армии чумой, он приказал принимать на службу всех, кто мог держать меч.

В армию стали вербовать гладиаторов, что на первый взгляд кажется отличной идеей. Эти ребята умели сражаться, они были великолепны в битвах. Но такая политика, к сожалению, вызвала возмущение у жителей Рима, которые любили гладиаторские игры и теперь решили, что императору оказалось мало того, что их соотечественники тысячами умирали от чумы, и он отправил героев спорта сражаться на границе. Чем меньше гладиаторов оставалось в городе, тем реже проводились гладиаторские бои и тем дороже стоили билеты в амфитеатры. Когда случается мор, потребность общества в хлебе и зрелищах не исчезает. Скорее наоборот, в смутные и пугающие времена людям нужно больше развлечений, позволяющих отвлечься от реальности. Марк Аврелий справился с волнениями, убедив сенат заставить приговоренных к смерти преступников сражаться на арене для развлечения публики и пообещав, что казна покроет расходы на организацию представлений. Кроме того, правитель предложил выводить на арену сотни львов, которых расстреливали лучники. Христиане на этих представлениях чувствовали себя очень неудобно. Раннехристианский писатель Тертуллиан вспоминал, как возбужденная толпа принималась кричать: «Christianos ad leonem!» В свободном переводе это означает «Бросьте львам христиан!» Какой ужас! Тем не менее такие мероприятия позволяли обществу насытиться видом крови, пока обученные гладиаторы продолжали защищать границы.

Марк Аврелий разрешил пополнять армию за счет разбойников, которым предлагали щедрую награду за службу. Кроме того, в ряды воинов стали принимать освобожденных рабов и даже германцев из союзных Риму племен. Появление в армии разбойников влекло за собой вполне очевидные проблемы, ведь это были изгои и потенциальные нарушители воинской дисциплины. Что касается германцев, то здесь поводом для беспокойства служило отношение к ним солдат-римлян. Вероятно, меньше всего хлопот доставляли освобожденные рабы, хозяева которых больше не хотели тратить деньги на их содержание по причине того, что многие из них состарились. В результате император превратил некогда грозную римскую армию в подобие Ночного дозора из телесериала «Игра престолов» (2011).

В условиях сокращения численности армии из-за эпидемии все эти меры были необходимыми и разумными. Однако если бы вы, прослужив 20 лет в самой могучей армии мира, видели, что на место ваших погибших

товарищей приходят конокрады и 80-летние бывшие рабы, то поняли бы, что престиж армии в римском мире резко упал.

Со всех сторон надвигались экономические проблемы. Эпидемия привела к неуклонному росту расходов на содержание армии. Некоторым подразделениям требовалось вдвое больше рекрутов, чем прежде. Значительно сократились поступления в казну из поместий, потому что, когда болезнь уничтожает рабочую силу, заботиться о прибыльности виноградуников становится некому. Империя вынужденно оказалась в долгах.

Чтобы не обременять провинции новыми налогами, Марк Аврелий, к всеобщему удивлению, принялся распродавать на Форуме Траяна ценности из императорских дворцов. Вот что пишет историк IV века Евтропий.

Император устроил на Форуме божественного Траяна аукцион дворцовых вещей, на котором продал мебель, золотые, хрустальные и мирровые кубки, царские вазы, шелковые и расшитые золотом одежды своей жены и даже некоторые драгоценности... торги длились два месяца, и на них было приобретено такое количество золота, что после успешного завершения Маркоманской войны в соответствии с его планами он разрешил покупателям вернуть купленное и получить назад свои деньги, если они пожелают. Он никому не доставлял неприятностей, независимо от того, возвращал человек купленное или нет¹⁵.

Мне трудно поверить, что правитель финансировал войну, устроив что-то вроде дворовой распродажи, но Древний Рим удивителен во многих отношениях.

На какое-то время посредством аукциона удалось решить проблему с деньгами. Марк Аврелий возвел новые укрепления для защиты Италии и альпийских проходов, которые позволили ликвидировать кризис на границе. Случались и неудачи. В 170 году маркоманы под предводительством Балломара вырезали под Карнунтом двадцатитысячный римский корпус, но к 172 году племя маркоманов было разгромлено. В 175 году был подписан мирный договор с оставшимися воюющими племенами (квадами и сарматами), после чего племена согласились освободить примерно 160 тысяч захваченных римлян¹⁶. (Указываю источник этих данных, ибо цифра настолько велика, что мне пришлось ее перепроверять, дабы убедиться в отсутствии ошибки.)

В конечном итоге Рим одержал победу в войнах с маркоманами. Если вы решите собственными глазами увидеть колонну Марка Аврелия (и у вас будет длинная лестница либо отличный бинокль), то сможете разглядеть на

ней резные изображения варварских вождей, сдающихся императору.

Да, римляне победили. Но германские племена, захватив в плен сотни тысяч римлян и переправившись через Дунай, развеяли миф о непобедимости римской армии, который был жизненно важен для граждан Древнего Рима. Позволю себе процитировать отрывок из телесериала «Западное крыло» (1999–2006). Президент Джед Бартлет не погрешил против исторической истины, когда сказал: «Две тысячи лет назад римский гражданин мог ходить по всему известному миру, не опасаясь, что кто-нибудь его пальцем тронет. Он мог разгуливать по всей Земле невредимым, защищенным лишь словами *civis romanus [sum]*: “Я римский гражданин”. Осознание неизбежности возмездия Рима было

Дорические колонны были в те времена самыми почетными триумфальными монументами

настолько сильным, что все боялись причинить вред хотя бы одному из его граждан». Возможно, вы скажете: «Дженнифер, тут нет никакой исторической точности. Блестящий, но сумасбродный сценарист “Западного крыла” Аарон Соркин пишет все, что взбредет ему в голову, и тебе просто нравится, когда президент Бартлет озвучивает подобные идеи». Но хочу заметить, что римский юрист Цицерон говорил об этом чувстве превосходства примерно за 200 лет до падения Аквилеи. Обвиняя военачальника по имени Веррес в том, что тот пытал гражданина Рима, Цицерон писал:

Ни звука не доносилось сквозь боль и свист розог, кроме слов: «Я римский гражданин!» «Гражданин!» Напоминая об этом, думал он отвратить побои и пытки. [...] А теперь, Веррес, ты и сам согласно подтверждаешь, что он звал себя римским гражданином... ты подозревал в нем лазутчика, почему — не спрашиваю, но обвиняю тебя собственным твоим показанием: человек кричал, что он римский гражданин!¹⁷

В жизни римского общества было немало кошмарных аспектов. Римляне регулярно убивали друг друга. По их улицам текли потоки дерьма. Но ни од-

на империя никогда не могла сравниться с Римом в умении сформировать у людей убежденность в том, что римское гражданство гарантирует им безопасность, насколько таковая возможна в этом опасном мире. Однако осада Аквилеи серьезно подорвала эту убежденность. Около 160 тысяч римлян были захвачены в плен. Границы империи были нарушены. Их армия уже никогда не станет прежней. Даже ее внешний вид изменится: маркоманские войны оказались последними, в которых легионеры использовали пластинчатые доспехи «лорика сегментата» и прямоугольные щиты. Вот слова Маклинна: «Легионы потеряли и свой особый социальный статус, и свои отличительные внешние признаки»¹⁸.

Если бы Марк Аврелий прожил дольше, империя, возможно, сумела бы восстановить если не благополучие населения, то хотя бы осознание значимости римского гражданства. Историк XIX века Бартольд Георг Нибул писал: «Не может быть никаких сомнений в том, что последние годы войны были для римлян победоносными, хотя это стоило невероятного напряжения сил, и что, если бы Марк Аврелий прожил дольше, он сделал бы Маркоманию и Сарматия римскими провинциями»¹⁹. Вторая половина утверждения гипотетична, но все может быть... Во времена эпидемий разумные правители вроде Марка Аврелия — это, несомненно, дар свыше. Риму повезло, что им руководил человек, способный спокойно реагировать на каждый кризис, принимая рациональные (хотя порой и неожиданные) решения. Люди часто говорят о гениальности этого императора как философа, о его нравственности и всеохватном величии, и я уверена, что все это правда, но на практическом уровне этот человек был всего лишь отличным решателем проблем. Таким же хорошим, как персонаж Мэтта Деймона в фильме «Марсианин» (2015). Во время кризисов, подобных Антониновой чуме, умение решать проблемы — это самое лучшее качество, какое только можно проявить. Когда мы избираем государственных чиновников, нам не помешало бы задать себе вопрос: «А если вспыхнет эпидемия, эти люди сумеют провести страну через тяжелые испытания, демонстрируя не только духовность, но и прагматичность? Смогут ли они спокойно решить одну проблему, затем другую, а потом следующую? Или же на улицах вырастут горы трупов?» Без сомнения, это лучше, чем спрашивать себя, не хочешь ли ты выпить с ними пива.

К сожалению, несмотря на оптимистические домыслы Нибура, Марку Аврелию было не суждено прожить долго. Он умер в 180 году, скорее всего, от чумы. Хотя он продолжал считать, что безнравственность хуже любой болезни, проблемы чумы всегда оставались в поле его зрения. Предположительно его последними словами были такие: «Не плачь обо мне; думай скорее о чуме и смерти стольких других людей»²⁰. По мнению Гиббона,

«Древний мир так никогда и не оправился от удара, нанесенного ему чумой, посетившей его во время правления Марка Аврелия»²¹.

Гиббон все понял правильно. Чем бы ни объясняли начало упадка Рима — ослаблением его военной мощи, ростом уверенности и агрессивности варваров, подрывом национального самосознания римлян, экономическими проблемами или безвременной кончиной Марка Аврелия, — все эти причины были прямо или косвенно связаны с чумой. Первый урок этой книги состоит в том, что эпидемии влияют не только на здоровье населения. Если с ними не сможет быстро справиться медицина, то любая более или менее значительная вспышка болезни неизбежно повлечет за собой ужасные потрясения во всех сферах жизни общества.

После удара, нанесенного Антониновой чумой, Рим начал стремительно скатываться по нисходящей спирали.

Коммод, 19-летний преемник Марка Аврелия, не сумел восстановить могущество империи. Управлять цивилизацией в то время, когда эпидемия постоянно подрывает ее основы, — это все равно что пытаться управлять кораблем с огромной пробоиной в корпусе. Нужно не только держать правильный курс, но и тратить огромное количество времени и усилий на определение приоритетности наслаивающихся друг на друга чрезвычайных ситуаций. Даже в более благоприятные времена Коммод вряд ли смог бы провести весельную лодку через детский бассейн. Сразу же после смерти Марка Аврелия, как пишет Кассий Дион, «Коммод легко мог бы уничтожить маркоманов, но он заключил с ними мир, ибо ненавидел тяготы ведения войны и жаждал комфортной жизни в городе»²². В фильме Ридли Скотта «Гладиатор», где Коммода играет Хоакин Феникс, император представлен человеком, чьей определяющей чертой является плотская страсть к родной сестре Луцилле. Кстати, осмелюсь предположить, что он занимался сексом с другими своими сестрами, а вовсе не с этой. Но моя главная претензия к фильму состоит в том, что в нем не показаны многие другие ужасные черты Коммода. Согласно Диону, он «не был злым от природы, но... [его] простодушие в сочетании с трусостью сделали его рабом своих приятелей... и он перенял у них похотливые и жестокие привычки, которые вскоре стали его второй натурой»²³. Став императором, он, по словам Диона, принялся растрчивать свое время на все более странные причуды, например, придумал себе новое полное имя *Луций Элий Аврелий Коммод Август Геркулес Римский Победоносный Амазонский Непреклонный Благоприятствующий Благочестивый*, а затем потребовал изменить названия всех месяцев в календаре, чтобы они соответствовали его вымышленному имени. Может быть, вы думаете: «Он был похож на музыканта, которого раньше звали Принс!» Нет. Принс сменил имя из-за спора с владельцами

контракта. Коммод изменил имя потому, что его мозг был полон дурацких идей и фантазий. Все остальное время он тратил на отравление предполагаемых политических врагов и убийство совершенно безвредных животных на гладиаторских играх. Дион вспоминает случай, когда он прикончил страуса и с гордостью стал демонстрировать его сенаторам, которым пришлось всеми силами подавлять смех.

Коммод вел себя как трусливый и умственно ограниченный монстр. В конце концов его убили. Но вспышки эпидемий продолжались, на смену чуме Антонина пришла чума Киприана. Согласно историческим источникам, моровые поветрия оставили Рим лишь в 270 году. В отличие от Марка Аврелия, следующие правители не стремились постоянно заниматься решением бесчисленных проблем, порожденных чумой. К тому времени император Валериан уже был взят в плен персами, так что от уверенности граждан Рима в своей безопасности не осталось и следа. Племена варваров стали более агрессивными, и хотя некоторые из них интегрировались в римское общество, окраинные части империи начали от нее откалываться. В 410 году великий Рим, население которого при Марке Аврелии превышало миллион человек, был разграблен вестготами. В 455 году город разграбили вандалы, а в 546 и 550 годах это делали остготы. После их ухода осталось всего несколько сотен городских жителей. Так поднялся занавес над Темными веками, которые в наши дни принято эвфемистически именовать периодом «рождения средневековой Европы» (на мой взгляд, это все равно что назвать безымянное массовое захоронение «рождением цветника»).

Если сегодня кто-то заявит: «Я гражданин Рима!» — это не поможет получить даже отсрочку уплаты штрафа за нарушение правил дорожного движения.

Мораль этой истории в том, что на самом деле нам всем нужно бояться только одной вещи, способной привести к падению цивилизаций. И этой главной угрозой является вовсе не безнравственное поведение. Если самая большая проблема вашей цивилизации в том, что люди занимаются сексом, значит, у вас все отлично. И даже не так страшны нападения других стран, которые ненавидят вас и все, что вы отстаиваете. Если в вашем распоряжении достаточно большая армия, вы сможете дать им достойный отпор. Настоящая угроза — это эпидемия. Она ждет, притаившись где-нибудь подо льдом или в джунглях. Если она нанесет удар, а мы не сумеем быстро и эффективно с ней справиться, она сможет уничтожить целую империю.